

*Е.А. Васильева***Китайская модель модернизации
в работах отечественных исследователей***E.A. Vasilyeva***China's Modernization Model
in Works of Domestic Researchers**

Статья посвящена историографическим аспектам проблемы модернизации незападных обществ. Автор делает попытку рассмотреть представленные в работах российских исследователей определения и оценки китайского варианта модернизации.

Ключевые слова: Китай, модернизация, национальная модель модернизации.

Тема модернизации азиатских стран сегодня как никогда популярна в научном сообществе. Быстрые темпы развития, эффективность проводимых преобразований в целом ряде развивающихся государств, обусловленные возможностью выбирать и применять в процессе модернизации своей страны самые современные и качественные наработки, идеи, модели и т.п., постоянно поддерживают высокий интерес ученых к успешным примерам трансформации незападных обществ. Без сомнения, КНР является ярким примером эффективной модернизации экономической и социальной структуры. Китай – динамично развивающаяся страна, которая за сравнительно короткий период достигла впечатляющих экономических показателей, улучшила качество жизни людей и заявила о себе не только как о лидере Азиатско-Тихоокеанского региона, но и как о глобальном игроке, способном бросить вызов американскому доминированию в современном миропорядке.

Вопрос о содержании и специфике китайского варианта модернизации не является новым в отечественной историографии. Начальный период реформ в Китае сдержанно освещался отечественными учеными, однако с конца 1980-х – начала 1990-х гг. наблюдается рост числа публикаций, посвященных этой проблеме. Главными темами обсуждений для отечественных китайедов стали тогда вопросы сочетания плана и рынка в коммунистическом Китае, итоги первого десятилетия реформ, дискуссии о реальности окончательного перехода страны к свободному рынку.

Очередное оживление в изучении преобразований в Китае было связано с относительно успешным выходом Китая из азиатского экономического кризиса 1997–1998 гг., а также подведением итогов двадцатилетия с начала преобразований и извлечением положительных уроков для других стран (в первую очередь России).

The article is concerned with the historiographic aspects of the non-Western society's modernization problem. The author of the article attempts to consider definitions and estimations of China's modernization variant presented in works of Russian researches.

Key words: China, modernization, national model of modernization.

В начале 2000-х гг. значительно расширился круг изучаемых вопросов, связанных с преобразованиями в Китае; помимо анализа хода и содержания экономических реформ внимание экспертов было привлечено к перспективам трансформации партийно-государственной структуры КНР, возрождению и использованию конфуцианских норм в целях социального регулирования, негативным последствиям проводимых преобразований и способам их преодоления, перспективам дальнейшего развития Китая в условиях глобализации и т.д. Постоянное расширение составляющих предмета исследования способствовало привлечению к изучению специалистов из разных областей знаний и появлению широкой палитры оценок и суждений.

В последнее время основное внимание многих исследователей сконцентрировано на выявлении компонентов так называемой китайской модели модернизации и вопросе о степени универсальности последней и ее применимости в других странах.

В данной статье рассматриваются подходы российских исследователей к проблеме определения содержания и характеристик китайской модели модернизации и выявления ее компонентов.

Термин «модернизация» в переводе с английского означает осовременивание и обозначается наличием ряда характеристик, свойственных современному обществу. В силу этого модернизация рассматривается прежде всего как процесс перехода от традиционного общества к современному, причем в качестве «эталонного» примера рассматриваются динамичные процессы, происходившие на Западе во всех сферах общественной жизни с XVI в. и достигшие своего апогея в XIX–XX вв.

В дальнейшем в связи с радикальными переменами, развернувшимися после Второй мировой войны, и прежде всего процессами деколонизации, понятие

«модернизация» содержательно расширяется: оно стало включать в себя также усилия стран «третьего мира», направленные на технологические, социальные и культурные усовершенствования с целью достижения уровня развития ведущих стран мира. Такая трактовка становится популярной в середине XX в., когда появилась теория модернизации. Однако постепенное и целенаправленное применение развивающимися странами принципов западной модели с последующим полным замещением ею «старой» модели развития показало свою несостоятельность не только из-за невозможности догнать развитые государства, но и неготовности местных социумов воспринять западные политико-экономические стандарты.

В 1990-е гг. понятие «модернизация», как отметил А.В. Виноградов, стало подразумевать не столько средство приближения к европейскому типу социально-экономической организации, сколько особый тип развития. Его отличительной чертой, по мнению А.В. Виноградова, является отсутствие четко выраженных периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития. Модернизация, таким образом, предстала не просто сменой одного состояния другим, не только характеристикой трансформирующегося социального пространства, но и процессом постоянной смены, рассматриваемым в качестве одной из важнейших черт и ценностей современного общества [1, с. 16].

В настоящее время «модернизация» для китайцев – это уникальный длительный процесс качественных изменений во всех сферах общества, направленный в первую очередь на социально-экономическое развитие страны с целью превращения Китая в современное государство согласно имеющемуся плану государственного развития.

Понятие «модель» в данном контексте выступает в роли инструмента анализа исследования, обобщения основных закономерностей, упрощенного аналога взаимосвязанных процессов и явлений, объясняющих ход проводимых в стране преобразований.

Таким образом, *китайская модель модернизации* – это набор эффективных инструментов, взаимосвязанных процессов и явлений, применяемых в ходе реализации долгосрочной программы качественных изменений, в первую очередь в социально-экономической сфере китайского общества с целью построения общества средней зажиточности «сяокан» и создания «социалистического гармоничного общества»* к 2020 г.

В своих статьях А.И. Салицкий предлагает рассматривать китайскую модель модернизации как

* Лозунг построения «социалистического гармоничного общества» появился в конце 2004 г., а уже в феврале 2005 г. Ху Цзиньтао выделил основные его черты: демократическая правовая система, равенство и справедливость, доверие и дружба, наполнение общества силой, стабильность и упорядоченность, гармоничное сосуществование человека и природы.

сборную, синтетическую, представляющую собой сосредоточение «универсальных элементов опыта, накопленного человечеством» [2, с. 43]. Эту модель, по его мнению, составляют «достаточно удачные пропорции между отдельными компонентами: экономическими, политическими, идеологическими» [2, с. 44]. Воплощение в жизнь сборной модели модернизации стало возможным благодаря внимательному изучению зарубежного опыта (СССР, США, Германии, Франции, Японии и др.) с последующим его глубоким анализом и вычленением эффективных компонентов. Сильная роль государства, сумевшего применить западный опыт в китайских реалиях, применение разного рода социальных экспериментов, инноваций и отказ от догм позволяют китайской модели успешно развиваться до сих пор.

Свое представление о происходящем в Китае процессе модернизации представила В.Г. Федотова, опирающаяся в своих рассуждениях на идеи С. Хантингтона. Она называет китайскую модель модернизации «национальной». Данная модель модернизации начинает функционировать в условиях «приоткрытой» вестернизации общества, при обязательном обращении и применении установок национальной культуры и представляет собой нечто среднее между «вестернизацией без модернизации» и «модернизацией без вестернизации». Следовательно, национальная модель развития – это такой тип развития, который диктуется национальными нуждами. По мнению В.Г. Федотовой, китайцы при выборе модернизационной модели учитывали особенности своей страны: численность населения, низкий стартовый экономический уровень, отсутствие достаточного количества природных ресурсов, явный недостаток грамотных кадров [3, с. 26].

Управление комплексом китайских национальных особенностей находится в руках единого централизованного руководства, которое установило достаточно длительные временные рамки для завершения процесса модернизации. Таким образом, методология китайских реформ – постепенность и учет национальных условий, резюмирует В.Г. Федотова.

В условиях мирового экономического кризиса начала XXI в., когда экономики стран-лидеров несут большие убытки, очевидная устойчивость экономического развития КНР способствует дальнейшему укреплению мнений о правильности выбранной китайским руководством модели развития. Внимание некоторых российских ученых [4–6], экономистов в первую очередь, направлено на пропаганду эффективности китайской модели и критику уже отжившего «Вашингтонского консенсуса»**. В этой ситуации на

** Вашингтонский консенсус – это оформленная в виде доктрины модель экономического развития, применяемая в мировой экономике с 1980-х гг. Автором этого выражения является Джон Вильямсон, экономист Института международной экономики в Вашингтоне, который включал

первый план выдвигается новая экономическая доктрина – «Пекинский консенсус»^{***}, которая направлена на осторожное и постепенное совершенствование общества в социально-экономической сфере. Данная доктрина ориентирована на применение инноваций и экспериментов; устойчивое, сбалансированное и качественное развитие; равенство; самоопределение и финансовый суверенитет. По мнению отечественных аналитиков, главной отличительной чертой этой модели развития, получившей название *инвестиционной*, является ведущая роль государства в экономике. А.И. Салицкий аргументирует этот тезис тем, что в условиях глобализации Китай «отвечает перед мировой экономикой состоянием своего национального хозяйства», тем самым государственный контроль нужен для предотвращения неблагоприятных внешних воздействий, чтобы уберечь своих азиатских торговых партнеров и «для защиты внутреннего рынка от чужих монополий, и для создания собственных крупных компаний» как условия реального равноправия в мире глобальной конкуренции [6].

В свою очередь, О.Н. Борох и А.В. Ломанов призывают смотреть на «Пекинский консенсус» более реалистично, поскольку данная модель преобразований выстраивалась с учетом «вашингтонских» требований. По мнению авторов, «Пекинский консенсус» не является концепцией рыночной трансформации, разработанной китайскими реформаторами и впоследствии успешно реализованной на практике. Это своевременно появившийся за рубежом броский лозунг, который оперативно подхватила китайская пропаганда. После соответствующей обработки и содержательного наполнения он может быть использован для демонстрации преимуществ китайского пути перехода к рынку и повышения мирового престижа КНР [7, с. 36].

Проводимые в КНР преобразования охватили, хотя и с разной степенью интенсивности, все сферы жизни общества. Происходящие в китайской экономике изменения не обошли стороной и духовную сферу страны, вызвав бурные дискуссии в китайском научном сообществе, а затем и в среде советских ученых-китаистов на рубеже 80–90-х гг. XX в. В начале 1990-х гг. появляются немногочисленные публикации отечественных исследователей [8–10], в которых на первый план в нее макроэкономическую стабилизацию, микроэкономическую либерализацию и открытие внутреннего рынка для иностранных инвестиций и свободного перемещения капиталов, т.е. применение методов радикальной рыночной экономики и западных принципов политического управления. Доктрина «Вашингтонского консенсуса» легла в основу реформ в Латинской Америке, Восточной Европе, России и в странах Азии.

^{***} Выражение «Пекинский консенсус» было введено в оборот американским политологом и экономистом Джошуа Купер Рамо после опубликования Лондонским центром международной политики его доклада «Пекинский консенсус» в 2004 г.

выдвигаются вопросы возможности синтеза китайских традиций и новых методов модернизации и его последствий как для экономики, так и для духовной составляющей общества; о роли индивида в этом процессе, его «свойствах и качествах»; о конфуцианской доктрине, ее возрождении и возможности трансформации в новых изменяющихся условиях. Возрождение конфуцианских принципов определяет, по мнению Л.С. Васильева, те достижения, которых добивается Китай [8, с. 29]. В свою очередь, Л.П. Делюсин, представляя точку зрения китайских исследователей, также делает упор на этических нормах, применяемых в Китае, как «отличие национальных форм перехода к рынку от западной модели» [9, с. 10].

В начале XXI в. тезис об исключительно глубоком и положительном влиянии конфуцианства на китайскую модернизацию становится еще более популярным среди исследователей. Заложенные в конфуцианском учении принципы гармонии и стабильности рассматриваются как фактор, помогающий развитию экономики, преодолению политических кризисов и срывов. Как справедливо отмечает А.В. Виноградов, обращение к конфуцианским добродетелям есть «закономерность политической истории Китая XX века – внимание к конфуцианскому наследию увеличивалось всегда, когда возникала потребность в стабильном государственном строительстве» [11, с. 292]. Результатом распространения такого рода мнений среди ученых (в первую очередь зарубежных) стало появление в научной среде нового термина «*конфуцианский социализм*»^{****}, подразумевающий синтез конфуцианских идеалов, китайских традиционных ценностей и современной экономической структуры страны. Тем не менее одновременно с процессом синтеза происходит процесс разрушения китайской исторической культуры «путем насаждения увеселительной массовой культуры, индивидуализма, погони за “золотым тельцом”, поощрения потребительства», что, по мнению М.Л. Титаренко, угрожает традиционным китайским цивилизационным ценностям [12, с. 6].

В настоящее время среди российских исследователей-китаистов появляются высказывания о более обдуманном и взвешенном применении терминов «конфуцианский социализм» и «конфуцианский капитализм». Рассматривая существующие точки зрения по вопросу применения конфуцианских принципов

^{****} «Конфуцианский социализм» выступает наравне с «конфуцианским капитализмом» (Япония, Корея, Тайвань). Родоначальником последнего является японец Сибусаве Эйдзи (1840–1932), который в своей книге «Лунь юй и бухгалтерский счет» заложил основы применения конфуцианской этики в контексте государственных преобразований. Обе теории связывают страны Восточной Азии, но различие лежит в принципе государственного устройства этих стран, а, следовательно, и в методах проведения реформ, хотя в основе своей они опираются на конфуцианские принципы.

в идеологии Китая, Ю.М. Галенович не соглашается с тем, что в «идеологии КПК сегодня присутствует и развивается нынешними руководителями партии и государства некая “конфуцианская составляющая»» [13, с. 38]. Ни о каких попытках «заменить конфуцианством марксизм, социализм и коммунизм» не может быть и речи, хотя применение конфуцианских принципов всячески поддерживается.

Суммируя вышесказанное, можно говорить о том, что среди отечественных исследователей складывается консенсус в понимании того, что сегодняшняя модернизация, проводящаяся в Китае, существенно отличается от ранее проводимых модернизаций в других странах и представляет собой особый путь развития страны. В силу этого изучение китайской модели модернизации и ее компонентов является одним из центральных направлений исследований отечественных ученых. Представленные в данной статье определения и трактовки китайской модели – это всего лишь их часть, но именно сборная, национальная, инвестиционная модели развития и «конфуцианский социализм» являются наиболее обсуждаемыми в научной среде. Все вышеназванные модели появились в разные периоды и при различных обстоятельствах, но, как представляется, они обладают набором общих черт.

Во-первых, сильная руководящая роль государства, которое глубоко вовлечено в модернизационные процессы, координирует их и помогает избежать крупных потерь и ошибок.

Во-вторых, изучение зарубежного опыта развития государств и их реформирования является источником аккумуляции знаний в сфере экономики, дает возможность анализировать текущую ситуацию, адаптировать заимствования к национальным условиям и делать прогнозы на будущее.

В-третьих, обращение к духовным традициям своей страны и ее истории призвано сгладить западное влияние, проявившееся в связи с введением рыночных элементов, а также вписывает происходящие изменения в контекст китайской культуры и обычаев.

В-четвертых, длительность и постепенность проводимых преобразований позволяют минимизировать серьезные негативные последствия, которые обычно проявляются в результате быстрых и решительных реформ.

Вместе с тем вопрос о том, какая из предложенных трактовок китайского варианта модернизации наиболее адекватно отражает реалии этой динамично развивающейся страны, остается открытым и, следовательно, дискуссии российских ученых будут продолжены.

Библиографический список

1. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации: диалектика революционного развития и стабильности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/ps/02/11.pdf>.
2. Лабинская И. Китай: универсальная модель модернизации? // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2009. – №7.
3. Федотова В.Г. Новые тенденции в понимании модернизации // *Новые исследования Тувы*. – 2009. – №1–2.
4. Айвазов А. Куда несет Россию? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article21867.htm>.
5. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. – М., 2009.
6. Салицкий А. Пекинский консенсус, или смена вех в мировой экономике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=1216&nomer=44>.
7. Борох О., Ломанов А. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // *Pro et Contra*. – 2005. – Ноябрь-декабрь.
8. Васильев Л. Конфуцианская цивилизация // *Азия и Африка сегодня*. – 1996. – №2.
9. Делюсин Л. Конфуций и социалистическая модернизация // *Азия и Африка сегодня*. – 1991. – №1.
10. Спирин П., Томилин В. «Конфуций нам строить и жить помогает» // *Азия и Африка сегодня*. – 1995. – №5.
11. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. – М., 2008.
12. Титаренко М. Модернизация Китая: вызовы времени // *Азия и Африка сегодня*. – 2001. – №11.
13. Галенович Ю. Конфуцианский марксизм или марксистское конфуцианство? // *Азия и Африка сегодня*. – 2008. – №9.